

Глава 1

Заведение, в котором нашла приют миссис Эшби, и вправду было достойным. О том говорили и уединенность его, и кованая узорчатая ограда, окруженная другой, живой стеной. Та была аккуратно подстрижена, но кое-где сквозь плотную зелень проглядывали тонкие ниточки вьюнка.

Милдред пришлось остановиться, не доезжая до самого здания.

Здесь не пахло морем. А вот скошенной травой, солнцем и горами — даже очень. За воротами дорога продолжалась, правда, переодевшись из черного асфальта в белесый камень. Она разрезала зеленые лужайки того идеального вида, который, как представлялось Милдред, возможен лишь на картинке. Но нет.

Композиции из елей. И снова живая ограда. Статуи. Фонтан.

И голуби на крохотной площади. Старушка в инвалидном кресле. И рослая женщина за ее спиной. В руках женщины батон, куски которого она отрывает, чтобы передать старушке, а та уже крошит голубям. И те, толстые, неповоротливые, вяло толкаются, спеша урвать кусок получше.

Главный корпус лечебницы вписывался в окружающий благостный пейзаж как нельзя лучше. Колонны и те были к месту, тонкие и белые, будто сахарные.

Аромат цветов. И бронзовые тяжелые цветочницы у входа. Пол узорчатый, выложенный кругами. Печальный мужчина старательно переступает через черные плашки камня. А за ним с некой долей снисходительности наблюдает рослая женщина.

— Добрый день, — сказала Милдред, когда взгляд женщины зацепился за нее. — Я ищу мистера Пимброка. Мы договаривались о встрече.

— Туда, — ей указали на левый коридор. — По зеленой линии.

— По черной нельзя, — добавил мужчина, замирая перед очередной плашкой. — По черной ходить — смерть бередить.

Мистер Пимброк оказался невысоким человеком вида столь обыкновенного, что это казалось почти издевательством. Мягкие черты лица. Вяловатый подбородок с куцей бородкой. Округлые щеки и пухлые губы, которые казались слишком уж яркими, будто накрашенными.

— Мне звонили. — К появлению Милдред он отнесся безо всякого восторга. — Меня предупреждали о визите. Не скажу, что рад.

— Не скажу, что я рада.

Он поморщился. Он не любил красивых женщин, скорее всего потому, что они не обращали на него внимания ни раньше, ни сейчас. И даже успех его — а глава подобного рода клиники априори успешен — не способен был изменить сего печального факта.

— Но мне звонили. Мистер Эшби. Он ясно выразился... стало быть, вы хотите побеседовать с Лукрецией?

— Если можно.

— Я бы не рекомендовал.

Он обзавелся изумрудными запонками и привычкой ходить слегка вразвалку. Он позаботился о том, чтобы движения его обрели должную неторопливость. Он собрал неплохую коллекцию часов и булавок для галстука. И даже порой проводил время у любовницы, соответствующей статусу, но не вызывавшей в душе ничего, кроме раздражения.

— Что с ней?

— То же, что и со всеми... разум человеческий сложен. И непостижим. И порой в сложности своей он дает сбой, который невозможно исправить.

Он любил свою жену, столь же невзрачную и так и не научившуюся распоряжаться прислугой. Но все одно милую. А вот красивых женщин опасался.

— И все-таки.

— Вряд ли вы поймете...

— Я постараюсь.

— У нее шизофрения. — Мистер Пимброк удостоил Милдред снисходительным взглядом.

— Я знаю. А если подробнее? Когда она к вам попала? В каком состоянии? Как проходило лечение? Какие методы вы использовали? Был ли результат?

Каждый новый вопрос заставлял мистера Пимброка морщиться все сильнее и сильнее, пока он наконец не поднялся довольно-таки резко. Затем сцепил руки за спиной и сказал:

— Это врачебная тайна.

— У меня ордер имеется. — Милдред взяла его на всякий случай, искренне надеясь, что звонка Эшби будет достаточно. Но вот пригодился. — Поэтому, будьте столь любезны, распорядитесь сделать копию истории болезни...

— Двадцать лет... чуть больше. — Мистер Пимброк вернулся в свое кресло, объемное и массивное, оно должно было бы придавать солидности его фигуре, но вместо этого лишь подчеркивало неказистый вид хозяина. — Около двадцати двух или двадцати трех? Не скажу точно. Я тогда лишь появился здесь. Да, по протекции хорошего знакомого. И да, сперва всего лишь врачом. Позже... сложилось. И да, во многом стараниями мистера Эшби. Он совладелец клиники.

— Даже так?

А вот этого Милдред не знала. Интересный факт. Полезный ли? Она потом решит. И, слегка подавшись вперед, она сказала:

— Я ни в чем вас не обвиняю. Более того, я представляю, насколько нелегко вам приходится. Это непростое место. И больные тоже... специфические, не говоря уже о родственниках.

Сочувствие должно быть искренним. Странно, но люди, даже напрочь лишённые эмпатического дара, остро чувствуют фальшь.

— Вы в сложном положении. И многие хотели бы занять ваше место...

— Было бы что занимать. — Он вяло махнул рукой. — Но вы правы, да... простите, к визитам представителей власти многие испытывают некоторое... как бы это выразиться...

— Предубеждение?

— Вроде того... Но да, я прекрасно помню, как она появилась. Молодая красивая женщина, которая была совершенно безумна. Скажу так, у нас, что бы ни говорили, не прячут нормальных людей. Кто-то проходит реабилитацию. Кто-то

приезжает отдохнуть. Кто-то ищет способ исправить то, что полагает недостатком. Есть пациенты, страдающие приступами гнева. Они искренне раскаиваются после и хотели бы измениться... есть и те, кто меняется, да. Есть подростки... современный мир сложен, и это не может не сказаться на детях, да... Много, конечно, если не большинство, наших пациентов поступают сюда не по собственной воле. Но редко кого привозят в смирительной рубашке.

— Как миссис Эшби?

Он вновь выполз из кресла и подошел к шкафу. Дверцы из красного дерева выглядели в достаточной мере прочными, а замки надежными, чтобы справиться с попыткой взлома, если найдется кто-то, желающий их взломать.

— Как миссис Эшби.

Ключи доктор носил на поясе. Перебрав связку, он достал один.

— Она рычала. Давилась своей слюной. Пыталась укунить сестер милосердия. Признаться, если бы не статус мистера Эшби, я бы не рискнул связываться с подобной пациенткой. Более того, несмотря на все его уверения, я приказал ее изолировать. Бешенство в наши дни встречается не так уж и редко.

— Бешенство?

— Не стоит так удивляться. По статистике, в прошлом году по штату зафиксировано тридцать пять случаев. Это среди людей.

Удивительно. И вправду удивительно.

В руках мистера Пимброка появилась пухлая папка.

— Вам сделают копию, хотя, видит Бог, не знаю, чего вы хотите от несчастной... последние двадцать лет она провела в этих стенах.

Поверхность папки была мягкой, шелковистой на ощупь.

— Я сама не знаю. — Милдред провела ладонью, наслаждаясь этим прикосновением. — Просто... предчувствие. У вас бывали предчувствия?

— Да. Я... не суеверен, поэтому предпочитаю думать, что предчувствие — это итог работы подсознания, которое анализирует факты, отвергнутые сознанием. Если рассматривать разум как нечто большее, чем наша способность к запоминанию, изучению, анализу и прочим явным, скажем так, функциям, то подсознание в нашей жизни играет важную роль.

Спорить Милдред не собиралась.

Она открыла папку. И коснулась снимка, с которого на Милдред смотрела женщина неясных лет, но определенно безумная. У нормальных женщин не бывает настолько дикого взгляда.

— Наши симпатии и антипатии, которым порой невозможно найти объяснение, есть лишь результат работы нашего подсознания и своего рода предупреждение. Жаль, что многие не готовы прислушаться. Да, я испугался ее. Для врача моего уровня это непростительно.

Растрепанные светлые волосы. Лицо с искаженными чертами. Будто женщина скалится. И желает укусить. Милдред даже палец убрала с фото.

— Но я не только врач, я еще и человек. А мое подсознание кричало, что она опасна. Но отказать мистеру Эшби? Можно было бы попроситься не только с местом, но и с карьерой. И разум взял верх. Признаюсь, теперь я рад, да... Несколько дней она провела, привязанная к кровати. И с кляпом во рту. Не потому, что я садист, отнюдь. Мне невыносимо, когда приходится применять подобные меры... я был рядом с ней, разговаривал. Наблюдал. Я поил ее. И ставил капельницы, чтобы как-то поддержать жизнь в ее теле. Я помогал ее мыть. Смазывал воспаленные места... их было много. Полагаю, что мистер Эшби сам пробовал справиться с болезнью. Как и многие до него, он просто недооценил серьезность ситуации и сделал только хуже. Обратись он раньше, и нам бы удалось скорректировать состояние Лукреции. Есть ведь лекарства. Очень хорошие лекарства.

Скупые строки: возраст, вес, девичья фамилия.

Три беременности? Но ребенок один... Так, выкидыш на позднем сроке. И младенец, который умер сразу после родов. Могло ли это повредить хрупкую душу? Но ведь она все равно рискнула и родила Ника. Имя его здесь же. И дата рождения.

— Люди закрывают глаза, говоря себе, что маленькие странности есть у каждого, не замечая, как маленькие странности растут, превращаясь в большие, а эти большие становятся полноценным сумасшествием. С ним же справиться способен не всякий. — Вдох.

И очередная страница. Краткий анамнез. Анализы... странные анализы.

— Что у нее с кровью?

— Вы про повышенный уровень лейкоцитов? Полагаю, тому виной воспаление. Говорю, ее кожа была в ужасном состоянии. Да... а гемоглобин низкий, поскольку, как выяснилось, в последние месяцы миссис Эшби питалась крайне скудно. Мы долго приводили ее в порядок.

Страница. Список лекарств. В принципе довольно стандартный, разве что сочетание успокоительного и снотворного кажется странным.

— Понимаю. — Ему не нужно больше задавать вопросов. Мистер Пимброк готов отвечать и так.

— Но обычные дозы на нее не действовали. Мы перепробовали многое. Она получала двойную дозу карпанола, однако безрезультатно, а вот сочетание с гладифармом оказывало успокаивающее воздействие. Лукреция не засыпала, но хотя бы переставала кидаться на людей. И вредить себе.

Не засыпала?

Да половины дозы хватит, чтобы успокоить здорового мужчину вроде Луки... Который делал вид, что все как обычно и ничего-то не случилось.

Не случилось.

На другую ночь Милдред сама пришла к нему. И он впустил ее. А потом так же молча выпустил, признавая за ней право уходить на рассвете. И за это ему захотелось отвесить пощечину, потому что никто из мужчин Милдред не готов был просто взять и отпустить ее.

Наверное, поэтому она вернулась снова.

А потом испугалась, что привяжется, и ушла. Лука собирался поехать с ней. Милдред не просила, но знала — собирался, только в последний момент ему позвонили: все ли в порядке?

— Сперва она почти все время находилась под действием этих лекарств. Не разговаривала сама. Не пила. Не ела. Но и не возражала, когда ее кормили и поили. Была вялой, апатичной. Но стоило чуть снизить дозу, и просыпался зверь... очень хитрый зверь.

Первый случай, судя по записям, произошел спустя полгода после того, как миссис Эшби оказалась в стенах сего заведения.

Краткие сухие записи: нападение, нанесение телесных повреждений средней тяжести.

— Она сперва бросалась сразу, стремилась вцепиться в горло или в лицо. И к этому привыкли. Научились предугадывать, но не учли, что шизофрения — болезнь крайне неровная. Мне показалось, что ей становится лучше. Во всяком случае, поведение выровнялось. Исчезли всплески агрессии. И миссис Эшби заговорила. Она просила прощения за то, как вела себя. Правда, тут же утверждала, что не помнит подробностей, что в голове туман. И что ей тяжело. Иногда спрашивала о сыне. Это был прогресс, и немалый. И когда она попросила уменьшить дозу, я пошел навстречу. Мне и самому проще работать с человеком, чей разум не затуманен.

— Вы менталист?

— Эмпат, как и вы. Но более опытный. — Его улыбка была чистой, что весеннее небо. И немного лукавой. — Но, признаться, не ожидал и не сразу понял. Здесь я не закрываюсь. Привык. Да и легче уловить неладное. А с миссис Эшби неладного я не ощущал. Напротив, она была полна раскаяния. И очень грустила. По дому, по сыну.

— А по мужу?

— Нет. О нем она старалась не говорить. Впрочем, я, как уже упоминал, пошел ей навстречу. И дозу снизили. Первые несколько недель мы были осторожны. Мы наблюдали за ее поведением. Я лично проверял ее настроение каждый день, и не по разу. Я боялся пропустить вспышку гнева.

— Но пропустили?

Ту медсестру звали Эбони. И выписка из личного дела имелась. Вес. И рост немалый. И судя по тому, что Милдред видела, здесь работали весьма крупные женщины.

— Это не было гневом. Это было частью плана. Совершенно безумного, но в то же время довольно логичного. Шизофреники в принципе способны мыслить логично. Они удивительно последовательны в своем безумии, оттого часто это безумие и остается незамеченным. Миссис Эшби начали выпускать на прогулку. Она сумела подружиться с Эбони. Та работала уже десять лет. Очень опытная сестра... была.

— Она...

— Нет, что вы. Уволилась. Мистер Эшби выплатил ей такую компенсацию, что у Эбони просто отпала необходимость работать дальше.

— И что произошло?

— Во время прогулки миссис Эшби ударила Эбони камнем. Подобрала у клумбы. Обмотала в тряпку. Понятия не имею, где она ее нашла. Сперва она оглушила Эбони, а когда та упала, начала наносить удар за ударом по лицу. Мистеру Эшби пришлось оплачивать его восстановление. И поверьте, он нанял лучших целителей.

Еще бы. Вряд ли мистера Эшби порадовал бы скандал. Безумная жена, изуродовавшая медсестру, и сын, который тоже потенциально может оказаться безумцем.

В городе бы их не поняли.

— Она раздела Эбони. Она надеялась столкнуть тело в воду и спрятаться. У нас большая территория. И признаю, что при определенной толике везения прятаться она могла бы долго. Затем, по ее замыслу, когда тело отыскали бы, все бы решили, что миссис Эшби мертва.

— Погодите, они же не похожи.

— Да. Для вас. Для меня. Для всех прочих. Но по разумению миссис Эшби, ей было достаточно поменяться одеждой, чтобы стать Эбони. И обратите внимание. Она не собиралась притворяться Эбони. Она хотела ею стать.

Интересное уточнение. И пожалуй, важное.

— Она не учла, что я все равно оставил наблюдение. Да и маячки на территории сработали. У нас самая совершенная система контроля. Во многом стараниями мистера Эшби.

— И как он отреагировал?

— Был расстроен. Но я опасался, что он станет обвинять меня. Все-таки это был мой недосмотр. Но нет, он быстро договорился о курсе лечения для Эбони. Предложил ей компенсацию... в четверть миллиона.

Сколько? Да, пожалуй, четверть миллиона — веская причина молчать.

А медикаменты сменили.

Тазепам? Он только лет пять как получил лицензию.

— Да, мы проводим испытания... иногда... с разрешения опекунов, естественно. А тазепам показывал отличные результаты.

Что ж, мистер Пимброк хотя бы не лукавит.

Испытания и вправду проводятся. И далеко не всегда те, на ком они проводятся, знают правду.

— Лукреция очень разозлилась, когда побег не удался. И заговорила. То есть мы и до этого беседовали, но на нейтральные темы. А тут она заговорила о том, что действительно важно. Для нее. И так я узнал, что миссис Эшби ненавидит своего сына.

Глава 2

Она изменилась. Похудела. И поблекла.

Узкое личико. И глаза, в которых пряталось безумие. Инвалидное кресло, на подлокотниках которого лежат полупрозрачные ладони. Пальцы мелко подрагивают, и смотреть на это неприятно. Но обманываться не стоит, силы в этих руках немало.

Следующую медсестру, приставленную к ней, миссис Эшби задушила.

И да, мистер Эшби выплатил семье полмиллиона. А еще столько же ушло, чтобы замять дело. Нет, расследование проводилось, и выяснилось, что покойная сама нарушала внутренние правила. Именно она научила миссис Эшби плести кашпо.

И приносила пряжу. И толстую бечевку, потому что из пряжи без крючка кашпо получались некрасивыми. Она поверила истории о жестоком муже, который запер вовсе не безумную, но надоевшую жену в сумасшедшем доме. За что и поплатилась. Однажды во время прогулки к тому самому искусственному пруду, который едва не стал последним приютом для Эбони, плетеная петля захлестнула шею уже немолодой, но все еще слишком доверчивой мисс Пулман.

— Вы ведь знаете, что это он виноват? — любезно осведомилась миссис Эшби. — Он меня заставил отнять жизнь этой несчастной... она была хорошим человеком. И я уверена, что душа ее попадет к Богу.

Сиделка, стоявшая за инвалидным креслом, была широкоплеча и мускулиста. И форменное платье бледно-розового, какого-то на редкость тусклого цвета не скрывало квадратных очертаний ее фигуры.

— Наедине мы вас не оставим, — сказал мистер Пимброк, хмурясь. — Вы ведь понимаете...

Миссис Эшби еще трижды нападала на сопровождающих, всякий раз умудряясь ранить. А мистер Эшби извинялся и доставал чековую книжку. Любил ли он жену, сказать сложно. Но обходилась она ему недешево.

— Добрый день, — сказала Милдред, пытаясь зацепить эмоции женщины, которая смотрела на нее светлым и чистым взглядом истинного безумца. Впрочем, один взмах ресниц, и в светлых глазах ее появилась печаль.

— Добрый. — Голос тихий, нежный. И трясущаяся рука касается губ. — Вы кто?

Удивление. И легчайшая настороженность. Впрочем, насквозь фальшивая. Она — оболочка, под которой прячется что-то иного толка, мутное, тревожное.

— Меня зовут Милдред. И я хотела бы поговорить с вами.

— О чем?

— О вашем сыне.

Она и вправду научилась справляться с яростью. Вспышка была короткой и на лице Лукреции не отразилась. Напротив, губы ее растянулись в улыбке.

— Вы наконец-то поняли, да?

— Что?

— Кто истинно ненормальный... Не надо, Томми, она пришла ко мне. Пришла, чтобы выслушать мою историю. Всерьез. Без того, чтобы сказать, вот сидит ненормальная, словам которой нельзя верить.

Речь миссис Эшби была спокойна.

— Не обращайтесь на него внимания. Он привык, что его окружают безумцы.

— А вы не безумны?

— Все мы в какой-то мере безумны, — довольно уклончиво ответила миссис Эшби. — Камилла, девочка моя, ты будешь слушать? Конечно, будешь. Камилла здесь не так давно, всего пятый год. Еще не успела очерстветь душой.

— Но она знает, на что вы способны, — с неудовольствием заметил мистер Пимброк.

— Ах, никто из нас до конца не знает, на что способен... И да, я знаю, о чем вы... те женщины собирались меня убить.

— Зачем?

— Им приказали. Я не держу на них зла. Но мне пришлось защищаться. Это ведь нормально, защищать себя, правда? Вот я и пыталась. Как умела.

Последняя сестра милосердия вынуждена была восстанавливать лицо после того, как почтенная миссис Эшби вцепилась в щеку и не разжимала зубы, пока не выдрала кусок плоти.

— Кто осудит человека, спасающего свою жизнь? — Она прижала хрупкие полупрозрачные руки к груди. И нервно дернулась, будто левую половину ее тела свело судорогой.

А платье на ней было без пуговиц.

— Расскажите мне все, — попросила Милдред. — И может, я смогу вам помочь?

— Мне уже не сможешь. Но тем девочкам, которые умирают, вполне можно... вы знаете, он показался мне чудесным человеком.

— Кто?

— Станислав. Конечно, имя странноватое, есть в нем что-то такое, плебейское до крайности. Чуждое, я бы сказала. Как можно назвать ребенка Станиславом? Или Николасом? Я хотела дочь, но родился мальчик, и его назвали Николасом. Ужасно!

— Сочувствую.

— Не сочувствуешь. Не считай меня дурой. — Эта вспышка заставила миссис Эшби привстать, и молчаливая Камилла возложила руку на худенькое плечо безумицы. — Я прекрасно вижу, что ты мне не веришь... никто никогда не верил. Господи, да я сама до последнего не верила. Скажи, вы всех нашли? Знаешь, Драконий берег — это одно огромное древнее кладбище, где люди смешались с драконами.

Бред, но...

Место не просто закрыто от мира, оно изолировано. Тогда о каких девушках идет речь? Или... место местом, а люди людьми, даже столь молчаливые с виду. Могли ли сюда проникнуть сплетни внешнего мира?

Вполне.

— Мне было двадцать пять, когда мы познакомились. Не самый приятный возраст для женщины. Да и в положении я находилась непросто. Моя семья была не из простых. Вы что-то слышали о Локвудах?